

Картина описывает безрадостное положение простых людей в дореволюционном Азербайджане. Сомнения о несправедливости существующего порядка приводят главного героя крестьянина Кули к поиску ответов у представителей зарождающегося революционного движения.

Запутавшись в своих чувствах, Кули обращается за советом к мулле, который, воспользовавшись фанатичной верой крестьянина в бога, выведает имена участников, присутствовавших на агитационном собрании. Последовавшие аресты прокатились по всей деревне, разлучая с мужем, братом и сыном. Арестованным оказался и сам Кули.

Рассматривая фильмы антирелигиозного содержания, следует остановиться на кинокартине режиссера А. Разумного «Бедствующий остров» (1929 г.). Фильм повествует о распаде общины раскольников, которые обосновали скит в глубокой тайге. Узнав о смене власти, молодежь бежит в город, рабочие поселки, стремясь начать жизнь заново, отказавшись от религии [7, с. 70].

Таким образом, исследование советских антирелигиозных фильмов 1920-х гг. показало, что власть воспринимала религию как политического противника и для борьбы с ней использовала различные методы. В этот период кинематограф становится мощным идеологическим оружием советской власти. Священнослужители изображаются как жадные, лицемерные, развратные контрреволюционеры. Церковь показывается как оплот мракобесия, порабащая женщин и использующая их. В кинокартинах демонстрируется обман народа, путем мошеннического использования темноты и суеверий для корыстных целей церкви.

Библиографический список:

1. Луначарский А. В. Религия и просвещение. Труды Первого всесоюзного съезда безбожников. Стеногр. отчет. Вып. 4. М. 1925. С. 544.
2. Молчанов И. Г. Отражение антирелигиозной борьбы в советском киноискусстве // Известия академии наук армянской ССР. № 11. 1963. С. 67–76.
3. Письмо об отношении к религиозным обществам // Революция и церковь. Ежемес. журн. 1919. № 2 (февр.). С. 38.
4. Полтевский А. Н. Антирелигиозная фильма. Справочно-методическое пособие по работе с антирелигиозной фильмой в клубе и избе-читальне. М. : Гос. издательство художественной литературы. 1930. С. 34.
5. Терновский. Старец Василий Грязнов // Коммуна. 1924. № 1692. С. 4.
6. Шкловский В. — Без полюса // Кино-журнал АРК. № 1. 1926. С. 15.

Малинина В. В.

М. М. ТАРЕЕВ: ВЕРА КАК ПУТЬ К НАДЕЖДЕ И ЛЮБВИ

Аннотация. Статья посвящена трем основным добродетелям в христианстве: вере, надежде, любви. Даны их определения, описаны свойства, показана их связь друг с другом, порядок и условия возникновения.

Ключевые слова: русская религиозная философия, православная антропология.

В христианской антропологии категории веры, надежды, любви играют большую роль в «науке» добродетели. Эти категории являются смыслообразующими в философии религии христианства. Михаил Михайлович Тареев в своем труде «Цель и смысл жизни» (1901 г.) выстраивает следующую цепочку: истинная жизнь человека – это жизнь для Бога; жить для Бога – значит жить Божественной вечной жизнью; а Божественная жизнь по своему существу – это любовь. Как любой христианский философ, М. М. Тареев включает в свое повествование многочисленные ссылки на Священное Писание. Как бы не развивалась философская мысль христианской религии, она берет начало и опирается в своем развитии на поэтическую догматику священных текстов, глубина которых дает неиссякаемый источник смыслов. «Бог есть любовь» (1Ин. 4:8), – утверждает евангелист. Значит, главная добродетель верующего христианина – обретение любви, так как, согласно учению, человек – образ Божий. Хотя любовь есть приобретаемое свойство или навык человека, она имеет направленность на определенный объект, у христианской любви два объекта, о которых говорит Священное Писание – это «Бог» и «ближний»: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя» (Лук. 10:27).

Исследуя свойства христианской любви, М. М. Тареев высказывает идею «отражения»: «Христианская любовь – это отражение в нас любви Божественной, это ответ наш на любовь Отца Небесного». [3, с. 157]. Божественная любовь приходит к человеку через Христа и пронизывает время посредством непрерывной передачи через «верных». Таким образом, предполагается, что своими силами, исходя из своих антропологических возможностей, человек не может обрести умение любить. В результате, ставятся под сомнения

полно-ценность любви братской, материнской, эротической (классификация по Э. Фромму [4]) и прочих известных разновидностей любви.

Христианская любовь появляется, чтобы исполнить закон по любви. Выше обязанности становится любовь, это самый надежный мотиватор и двигатель. Любовь как свойство духа – условие для обретения жизни вечной. Жизнь вечная – цель христианской жизни, лежащая за пределами осязаемого мира, то есть, за антропологической границей.

Христианская традиция через золотую цепь преемства Божественной мудрости хранит сакральные знания и определяет принадлежность или отпадение от традиции. Традиция ставит мудрость свою выше единоличного человеческого разума, и сохраняется глубоко в «генетическом коде», даже если в некоторых «головах» начинают зарождаться атеистические мысли. Например, М. М. Тареев пишет в своей статье «Вехи» в «Богословском вестнике»: «...в духовном облике русской интеллигенции имеются черты религиозности, <...> Известная неотмирность, чувство виновности пред народом, стремление к спасению человечества и неизменная готовность на всякие жертвы – составляют, как известно, неизменные и отличительные особенности русской интеллигенции, воспитанные в ней церковной традицией. Сюда же нужно присоединить <...> своеобразный аскетизм, вообще, строгость личной жизни. Тем не менее, несмотря на все это, известно, что нет интеллигенции более атеистической, чем русская» [2, с. 314]. Чувство вины, жертвенность, аскетизм – это признаки «отраженной» Божественной любви.

Заповедь Христа о любви звучит так: «Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас» (Мф. 5:44). Совершенство христианской любви выходит за пределы человеческого разума и нарушает природный закон самосохранения. Запредельность этой заповеди подтверждается непониманием у многих людей, их мнение детерминировано ценностными установками, отличными от христианских. Христос призывает верных быть совершенными как Отец наш Небесный – это путь в вечность, и началом этого пути является согласие человека, потому что Бог не насилует человека. На пути совершенствования М. М. Тареев указывает на необходимость личного общения с Богом и на то, что необходимо носить образ Бога в себе.

Христианская любовь противоположна земной любви, потому что земная любовь направлена на получение удовольствий, связана с животными инстинктами. «В духовной любви нет пристрастия» [3, с. 162]. Любовь к Богу исключает любовь к миру и к самому себе. Человек должен умереть для мира, каждая клетка его природы должна быть направлена к Богу, но М. М. Тареев сравнивает любовь ко Христу с чувственной плотской любовью, говоря о подобию их.

Представляет интерес, как М. М. Тареев поясняет заповедь о любви к врагам. Он говорит, что эта заповедь «не есть расширение любви к своим» [3, с. 164], а напротив – любовь к врагам и ненависть к своим. Человек прежде должен быть привязан к Богу, а не к своим, и врагов любить как детей Божиих. Свое и не-свое исчезает в Божием, а Божием обнимается все. Однако на пути к христианской любви, земная плотская любовь может стать упражнением, предуготовлением к духовной любви. Об этом пишет М. М. Тареев. Он отмечает, что христианская любовь, так же, как и естественная плотская любовь, непонятна бывает разуму и не поддается законам логики. Любовь воспринимается верою и доказывается опытом. Любовь всегда деятельна, поэтому упражнением в любви могут стать дела любви: сострадание, помощь, благотворение. Говоря о христианских заповедях, М. М. Тареев отмечает, что все заповеди сводятся к заповеди любви, потому что, чтобы исполнить заповеди, надо любить. Возрастанию в любви может способствовать самопожертвование и страдания за Христа.

Таким образом, М. М. Тареев дал определение христианской любви, сравнил ее с земной плотской любовью, описал свойства и правила возрастания в любви. В отличие от «Православного катехизиса» свт. Филарета (Дроздова), где глава «Любовь» содержит пояснения заповедей, к соблюдению которых сводится христианская любовь [1, с. 95–124].

Христианская любовь возможна только при условии веры. Человек любит, потому что верует. «Веру часто понимают как акт исключительно теоретический, умственный, созерцательный, параллельный познанию и отличающийся от познания своим предметом» [3, с. 172], – пишет М. М. Тареев. Вера – акт воли и начинается в мыслях. Процесс этот – не познание, а уверенность в самом себе – это действующая сознательная воля. Вместо личной уверенности в христианстве – уверенность в силе Божией. Здесь М. М. Тареев говорит еще об одном предуготовлении: личная уверенность предуготовляет к уверенности в силе Божией, хотя и через самоотречение.

Автор дает короткое определение веры: «Вера есть видение Невидимого» [3, с. 174]. Для христианина Божественный миропорядок есть действительность. Следовательно, вера – не есть вера в невидимое, а уверенность в Невидимом, как бы в видимом. Христианин верит в Бога и в то, что он – сын Божий. Через веру рождается любовь, поэтому М. М. Тареев предлагает такую формулу: «Любовь – это дух; вера – тело» [3, с. 176]. В вере любовь как бы воплощается. Христианин верит, что он сын Божий, но, главное, что всякий другой человек – тоже сын Божий. Автор говорит, что вера претерпевает испытания на протяжении жизни человека.

Богосыновство на земле, однако, неполно. Христианин ожидает полного участия в славе Христа только после рождения в жизнь вечную, поэтому вера становится надежной. М. М. Тареев дает такое определение: «Надежда – вера, победившая искушения» [3, с. 183]. Церковно-славянский язык имеет слова, близкие по смыслу: упование, чаяние. Они более окрашены деятельным смыслом, так как надежда дается терпением. Надежда требует ответа на вопрос: На что? И автор отвечает на этот вопрос: «Мы ожидаем не материализации духа, а одухотворения природы. Наша надежда в том, что смертное будет поглощено жизнью, временное вечным» [3, с. 184–185].

Подводя итог, М. М. Тареев не может не сказать об институте, через который осуществляется Божественная жизнь посредством Божественной энергии (благодати), – это церковь, которую учредил по преданию сам Христос. Без церкви нет христианской жизни.

Таким образом, вера приобретает человеком в результате познавательной деятельности. В христианстве это вера в Единого Бога-Отца-Вседержителя. Вера – не цель, а путь познания и делания. Делание для верующего выражается в изменении своего внутреннего мира таким образом, чтобы быть способным любить. Любви необходимо учиться, на этом пути опорой для человека является надежда.

Библиографический список:

1. Дроздов Ф., митр. Православный катехизис. М. : ОБРАЗ. 2006. 128 с.
2. Тареев М. М. Библиографический список: Вехи // Богословский вестник. 1909. Т. 2. Июнь. С. 313–325.
3. Тареев М. М. Цель и смысл жизни. СПб. : Общество памяти игумении Таисии. 2008. 224 с.
4. Фромм Э. Искусство любить. Исследование природы любви. URL: <http://psylib.org.ua/books/fromm03/index.htm> (дата обращения: 23.10.2018)

Медведев А. В.

КУЛЬТУРНАЯ СОВМЕСТИМОСТЬ И КУЛЬТУРНЫЙ ЭКОТОН (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Аннотация. В статье говорится о новых проблемах взаимодействия культур в условиях расширяющегося процесса глобализации, которая порождает новые проблемы, актуализирующие перед теорией культурологии задачи выработки терминологии, способной описать возникающие вопросы. Автор предлагает ввести в категориальный аппарат теории культуры понятия «культурная совместимость» и «культурный экотон», способные по-новому описать ту сторону взаимодействия культур, которая касается границ и объема заимствований «чужой» культуры.

Ключевые слова: взаимодействие культур, диалог культур, тезаурус, культурная совместимость, культурный экотон.

Проблема взаимодействия культур, его форм, результатов, объем заимствований и взаимовлияния является одной из актуальнейших в современном культурологическом знании. Это справедливо, поскольку межкультурные контакты – имманентная черта онтологии культур. История свидетельствует, что культура, которая озабочена исключительно охраной себя, избегает всяческих контактов с другой культурой, обрекает себя на гибель, самоуничтожение. В условиях современного глобализирующегося мира осуществляется все большее и большее расширение межкультурных контактов, процессов их взаимосвязи и взаимовлияния. Теоретическая наука стремится, в связи с этим, выработать теоретические модели, своим содержанием призванные отразить реальные процессы межкультурных контактов. Разработан теоретический тезаурус, широкий спектр понятий, с помощью которых описывается сложность и противоречивость реального процесса межкультурного взаимодействия: культурный диалог, аккультурация, ассимиляция, рецепция, культурный шок, культурный стереотип и т.д., и т.п. Рождаются новые вопросы, которые касаются не только того, как происходит процесс взаимодействия, но и почему он необходим. Как вопрошал Ю. М. Лотман, «почему и в каких условиях в определенных культурных ситуациях чужой текст делается необходимым» [1, с. 605]. Представляется важным и вопрос, что объективно обуславливает степень эффективности взаимодействия культур, от чего зависит объем заимствований. Для разрешения так поставленного вопроса, думается, что в тезаурус следует ввести понятия «культурной совместимости», «культурного экотона», которые, как представляется, обладают немалым эвристическим потенциалом.

В начале обратимся к примеру, выбранному сознательно, с надеждою, что обращение к нему позволит проиллюстрировать основную мысль автора, тем более, что он широко общеизвестен.

В истории нашего отечества свершилось событие, именуемое Крещением Руси, которое, как Рубикон, разделило историю наших предков на два этапа: языческий и христианский, посему и используются понятия, не вызывающие сомнений – «языческая Русь и христианская Русь».